

Молчаливое понимание — особая форма близости, в которой таится едва уловимое, но глубокое очарование.

Ли Жун и Цэнь Сяо сидели за одной партой, и, если не считать того случая, когда один из них склонил голову на плечо другого, они больше не позволяли себе никаких двусмысленных или чрезмерно интимных жестов. Однако Ли Жун отчетливо ощущал эту тягучую, обволакивающую атмосферу влюбленности.

Они не произносили этого вслух, но он знал: они с Цэнь Сяо встречаются.

Если бы на них сейчас посмотрела Ян Фанфан, она бы непременно назвала это «ранними чувствами» — явлением, которое в Школе А каралось со всей строгостью.

После праздника снега в городе А больше не было, и погода с каждым днем становилась всё приветливее.

Цзи Сяочуань под предлогом того, что ей нужно использовать каждую свободную минуту для подготовки к экзаменам, решительно переехала из дома в школьное общежитие. Собирая вещи, она с удивлением обнаружила, что, если отбросить всё лишнее, забрать с собой она может совсем немного.

Почти всё в доме принадлежало либо её младшему брату, либо родителям. За все эти годы она, кажется, никогда ничего для себя не просила. То немного, что принадлежало лично ей, осталось еще с тех времен, когда брат не появился на свет.

Позже она, словно чуткий зверек, уловивший перемены в воздухе, начала планомерно стирать свое присутствие в жизни семьи, снижая планку ожиданий от родителей до тех пор, пока не перестала питать к ним какие-либо надежды.

Однако за те несколько праздничных дней, что она провела дома, ей всё же удалось раздобыть для Ли Жунуна крупную важную информацию.

После того ужина с Ли Жунуном и Цэнь Сяо Цзи Сяочуань стала внимательно прислушиваться к жалобам матери на своих нанимателей.

— Моя мама... — девушка запнулась, ее щеки залил румянец от волнения. — Она на каникулах ходила готовить жене профессора. И профессор с женой снова... снова ругались. Профессор очень разволновался, кричал, что коллеги хотят его подставить, и только благодаря его осторожности он не... не попался в ловушку.

Она сделала глоток воды из стакана, чтобы унять дрожь в голосе, и продолжила:

— Его жена смотрела на него свысока, она так язвительно... говорила, что он недостойн, что он... вовсе не Ли Цинли. Профессор велел ей убираться, и она ушла в комнату, хлопнув дверью.

Цзи Сяочуань говорила сбивчиво, запинаясь на каждом слове:

— Профессор ломился в дверь, но она... она так и не открыла. Потом он пригрозил разводом, но она, кажется... кажется, не согласна. Мама так боялась, что даже не решалась шуметь, пока жарила овощи. Когда всё было готово... хозяйка даже не притронулась к еде. Она часто... часто выбрасывает продукты.

Кроме этой ссоры, Цзи Сяочуань больше ничего не знала.

Лю Таньчжи была крайне осмотрительной женщиной. Если бы её терпение не лопнуло, а Ли Байшоу не проявил бы такую непроходимую глупость, она никогда бы не позволила себе сорваться в присутствии прислуги.

Но дом — это место, которое дарит обманчивое чувство защищенности. Привычная покорность матери Цзи Сяочуань заставила хозяйку ослабить бдительность; в конце концов, получив порцию раздражения от мужа, ей тоже требовалось на ком-то сорваться.

Ли Жун и Цэнь Сяо обменялись взглядами. Теперь их догадки получили окончательное подтверждение.

Ли Байшоу не участвовал в заговоре против Ли Цинли напрямую. Он был лишь стервятником, желавшим присвоить плоды чужих трудов.

Лю Таньчжи владела куда более глубокой информацией, чем её муж. Она знала, что Ли Байшоу жаждет завладеть исследованиями Ли Цинли, и знала наверняка: никто не расставлял для него сетей. Но если Ли Байшоу действительно удастся договориться со следственной группой, эта украденная гипотеза превратится в пистолет, направленный ему прямо в сердце.

Теперь планы Лю Таньчжи и тех, кто стоял за её спиной, были нарушены. Они наверняка пребывали в смятении: им требовалось время, чтобы выяснить, сколько информации на самом деле у человека, опубликовавшего статью, и не оставил ли Ли Цинли перед смертью каких-то особых распоряжений.

Ли Жун решил на время сбавить темп.

Цэнь Сяо еще не попал в Девятый район, а сам он еще не переступил порог Университета А. Если юноша узнает слишком много тайн и при этом выдаст себя, его устранят без малейших колебаний.

Статус старшеклассника служил ему идеальным прикрытием. Кукловоды, вероятно, слишком

долго находились на вершине мира и привыкли считать, что их правила игры и законы жизни — это нечто заоблачное, недоступное пониманию какого-то сопливого мальчишки.

Пренебрежение к врагу — самая фатальная слабость.

Конечно, в них еще могла теплиться капля лицемерного милосердия. Они позволили ему продолжить дело отца, позволили поступить в Университет А и даже войти в исследовательский институт «Хунсо», чтобы работать под началом Цзян Вэйдэ.

Они пристально наблюдали за ним и, вероятно, в качестве компенсации планировали обеспечить ему безбедную и простую жизнь.

При условии, что он не будет касаться проекта GT201.

После вечерних занятий Цзи Сяочуань отправилась в корпус С студенческого общежития, чтобы помогать Ли Жуну с его факультативом.

Перед её приходом Ли Жун стоял у небольшой классной доски, которую ему выделила дежурная по общежитию, и с мягкой улыбкой обратился к дюжине парней:

— Я нанял ассистента. Это девушка, она очень хорошо учится, но по натуре замкнутая и сильно нервничает, когда приходится говорить с незнакомцами.

Появление девушки в их сугубо мужской компании вызвало у парней бурю восторженных фантазий — их изматывающая жизнь в выпускном классе отчаянно нуждалась в любых ярких впечатлениях. Кто-то бесцеремонно свистнул, кто-то щелкнул пальцами.

Староста не перестал улыбаться, но, когда шум утих, негромко произнес:

— Тот, кто проявит к ней неуважение, будет немедленно исключен из этой группы. Я не шучу.

Несмотря на мягкий голос и улыбку, его взгляд был ледяным и полным недвусмысленного предупреждения. Остатки шепотков мгновенно стихли. Всем стало ясно: Ли Жун настроен серьезно. Эту девушку нельзя задевать, иначе он действительно выйдет из себя.

Когда вошла Цзи Сяочуань и, заливаясь краской, начала сбивчиво представляться, парни поняли, почему их предупредили заранее. Она заикалась. Перед таким количеством незнакомцев её голос дрожал так сильно, что интонации казались совсем неестественными.

Не будь этого предупреждения, они бы наверняка покатались со смеху. И пусть в этом смехе не было бы злого умысла, он всё равно стал бы для нее ударом. Впрочем, она и так привыкла к подобному обращению.

Цзи Сяочуань потребовалось всё её мужество, чтобы прийти в корпус С. Переезд из дома означал, что она еще долго не сможет просить денег у родителей. Она была обязана заставить себя выйти к людям, даже если над ней будут смеяться или смотреть свысока.

Она была готова ко всему, но ничего из того, чего она боялась, не произошло. Лица парней были спокойными, а после того, как она закончила свое неловкое приветствие, они даже тепло поаплодировали ей.

Она поняла: Ли Жун заранее расчистил для неё путь.

Староста был щедр и отдал Цзи Сяочуань половину оплаты за уроки. Девушка испуганно отступила, замахав руками:

— Я... я не могу взять так много. Мне хватит... просто на еду.

Но Ли Жун ответил совершенно серьезно:

— Не закичивайся на этом. Деньги — это самое малозначимое из всего, что здесь есть. Если захочешь вернуть — вернешь когда-нибудь потом.

В нынешнем мире Цзи Сяочуань деньги казались самой большой проблемой. Она не могла выжить, не прося их у родителей, и это была главная цепь, державшая её в семье.

Слова Ли Жуна воодушевили её. Ей показалось, что она уже вырвалась из настоящего и увидела тот огромный, свободный мир, который ждал её впереди. Она поверила юноше: деньги — это сущая мелочь, и в будущем она сможет заработать их столько, сколько захочет.

В начале января Линь Цинь отправился на творческий экзамен в киноакадемию. Ли Жун, Цэнь Сяо, Цзянь Фу и даже застенчивая Цзи Сяочуань собрались вместе, чтобы подбодрить его перед важным испытанием.

Юноша чувствовал к Цзи Сяочуань глубокую симпатию — когда-то он и сам был таким же замкнутым и тихим, но девушка оказалась еще скромнее его прежнего. Глядя на неё, он словно видел самого себя в прошлом, и потому невольно старался окружить её заботой.

Официант принес большую чашу нежного супа из саланги. Эта речная рыба считалась деликатесом, она была легкой и идеально подходила Линь Циню, следившему за формой. Поскольку он был сегодня главным героем, все настояли, чтобы он наливал себе первым.

Линь Цинь зачерпнул порцию, искоса поглядывая на Цзи Сяочуань, которая то и дело поправляла очки от волнения.

Цэнь Сяо повернулся к Ли Жуну и буднично спросил:

— Как твой желудок? Сколько сможешь съесть?

Староста в это время увлеченно заворачивал начинку в весенний блинчик. Услышав вопрос, он поднял голову и чуть выпятил губу:

— Совсем чуть-чуть.

Цэнь Сяо наполнил чашу тремя большими ложками и поставил её рядом с рукой Ли Жуна.

Цзянь Фу скептически хмыкнул:

— Разве наша «Большая панда» не сказал, что ему нужно всего лишь чуть-чуть?

— У нас на одну пустую тарелку меньше, так что эта — одна на двоих, — невозмутимо ответил Цэнь Сяо.

Ли Жун, только что закончивший с блинчиком, едва заметно улыбнулся кончиками губ. Посуды изначально хватало, но его собеседник занял одну из пиал под шу пуэр.

— Да попроси официанта принести еще одну, делов-то, — проворчал Цзянь Фу.

— Не нужно, — отрезал тот.

Ли Жун выпрямился, взял блинчик и откусил большой кусок, с удовольствием облизнув губы. Проглатывая еду, он бросил на Цзянь Фу укоризненный взгляд:

— В обеденное время столько народу, а ты совсем не жалеешь персонал.

Цзянь Фу ничего не ответил.

Линь Цинь, заметив, как Цзи Сяочуань испуганно стреляет глазами и без остановки грызет арахис, мягко спросил:

— Сяочуань, ты ведь не дотягиваешься? Давай я тебе налью.

Девушка вскинулась, полная робкой благодарности:

— С-спасибо... тебе.

Цзянь Фу больше не пытался препираться. Он заворожено наблюдал, как Линь Цинь закатал рукава, взял миску Цзи Сяочуань и бережно наполнил её супом, выловив побольше рыбы. Закончив, он даже приподнялся, чтобы поставить тарелку прямо перед ней.

Цзи Сяочуань снова начала рассыпаться в сбивчивых благодарностях, а кончики её ушей стали пунцовыми. В её жизни еще не было случая, чтобы столько друзей относились к ней с такой нежностью. В эти дни она чувствовала себя такой окрыленной, словно вот-вот обретет крылья.

Цзянь Фу, наблюдавший за этой сценой, намеренно толкнул друга локтем в бок и с деланным безразличием протянул:

— А мне почему не налил? Я тоже далеко сижу.

Линь Цинь качнулся от толчка и поспешил ухватиться за край стола, чтобы не упасть. Он не удержался и закатил глаза:

— У тебя что, рук нет?

— У Ли Жуна тоже руки есть, но мой брат ему налил, — парировал Цзянь Фу.

Староста, который до этого с аппетитом ел, невольно оказался втянут в спор. Он прищурился:

— Не впутывай меня. Я — редкое животное под охраной.

Цзянь Фу не унимался и, вцепившись в одежду Линь Циня, начал бесцеремонно трясти его:

— Маленькая звезда, я тоже хочу быть Большой пандой!

Воротник Линь Циня перекосялся, голова закружилась от такой встряски. Наконец он не выдержал и оттолкнул его:

— Веди себя прилично! Иначе я не пушу тебя на свой экзамен, и никаких контактов красавиц-абитуриенток ты не получишь.

— Да на фига мне их контакты?! — взорвался Цзянь Фу.

— Тогда зачем тебе туда переться? Ты же не журналист, — парировал Линь Цинь.

Тот осекся, не найдя, что ответить на этот выпад.

Цэнь Сяо мельком взглянул на озадаченное лицо Цзянь Фу и, не подав виду, слегка постучал кончиками палочек по столу:

— Хватит. Ешьте спокойно.

Цзянь Фу невольно выдохнул с облегчением.

В середине февраля пришли результаты Линь Циня. Он успешно прошел творческий конкурс в киноакадемию. Теперь ему оставалось только набрать нужный балл по общеобразовательным предметам, чтобы поступить в вуз своей мечты.

В это время в исследовательском институте «Хунсо» и торговой палате «Ланьшу» царило странное затишье — всё выглядело так, будто истории с публикацией гипотезы Ли Цинли никогда не существовало.

Ян Фанфан сообщила Ли Жуну, что список рекомендованных по программе «Выдающиеся таланты» уже готовится к публикации. Если за три дня официального ознакомления не поступит никаких возражений, его место будет закреплено за ним окончательно. Он сможет выбрать любую техническую или научную специальность в Университете А.

Однако за день до начала публикации Цуй Минъян, который не разговаривал с Ли Жуну уже несколько месяцев, внезапно подошел к его парте.

Цуй Минъян по-прежнему чувствовал себя крайне неловко рядом с ним, но на этот раз в его взгляде не было привычной неприязни или злобы — лишь какое-то неясное, подавленное раздражение. Прежде чем заговорить с Ли Жуну, он осторожно покосился на Цэнь Сяо:

— Я не собираюсь ничего делать, просто хочу сказать пару слов.

Цэнь Сяо даже не удостоил его взглядом. Еще когда Ли Жун был совсем слаб, Цуй Минъян не мог с ним совладать, так что теперь беспокоиться и вовсе не стоило.

Ли Жун не хотел выходить в холодный коридор, да и скрывать от Цэнь Сяо ему было нечего. Поэтому он сухо ответил:

— Говори здесь.

Цуй Минъян помедлил, еще раз бросил опасливый взгляд на Цэнь Сяо и, нехотя склонившись, заговорил вполголоса:

— Я просто пришел сказать, что мне на фиг не сдалось твое место по этой программе. Я только рад буду, если тебя зачислят без экзаменов — так мне проще будет стать лучшим в городе!

Староста чуть приподнял веки и усмехнулся:

— Даже если бы оно тебе очень «сдалось», оно бы тебе всё равно не досталось.

Парень, видимо, что-то знал, потому что его лицо пошло багровыми пятнами. Он стиснул зубы:

— Зато ты первым делом подумаешь на меня! Потому что я — единственный, кому это выгодно. Так вот, я пришел сказать: если на тебя поступит жалоба, это буду не я и не моя семья! Я этот грех на душу брать не собираюсь!

<http://bllate.org/book/15351/1429139>